УДК 398
ББК 82.3(=64)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ РАСПРАВЫ ГЕРОЯ С ПРОТИВНИКОМ В КАЛМЫЦКИХ СКАЗКАХ «СЕДКЛИН АРВН ХОЙР БӨЛГ» («ЗАПОМНИВШИЕСЯ ДВЕНАДЦАТЬ ГЛАВ») М. БУРИНОВА

© 2019 г. Б.В. Эльбикова

*Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова,*

Элиста, Россия

Дата поступления статьи: 11 марта 2019 г.

Дата публикации: 25 сентября 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-352-369

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта «18-512-94006 МОКНМ_a»*

Аннотация: В статье рассматривается изображение разных способов физического уничтожения противника и вредителя героем в калмыцком сказочном фольклоре: разрубание, сжигание, уничтожение тела, истребление души и зашивание в шкуру. Отмечается, что зашиванию в шкуру может подвергаться как противник, так и герой сказки, все другие виды физической расправы направлены в большей степени на противника, вредителя героя. Исследование базируется на анализе калмыцких сказок «Седклин арвн хойр бөлг» («Запомнившиеся двенадцать глав») из репертуара сказителя М. Буринова. Многократность процесса уничтожения тела противника в калмыцкой сказке ассоциируется с его «невозвратом» в социум, а истребление души — с невозможностью ее перерождения. Способ избавления вредителем от героя в виде зашивания в шкуру и выбрасывания в океан расценивается как отправление в иной мир, не исключающее возвращение в человеческом облике. На основе сравнительного анализа разных вариантов описания физической расправы противника выявляются элементы, характеризующие особенности сказительского мастерства М. Буринова.

Ключевые слова: сказитель, калмыцкие сказки, герой, противник, физическая расправа, вместилище души.

Информация об авторе: Бальзира Вячеславовна Эльбикова — специалист международного научного центра «Культурное наследие монгольских народов», Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, д. 11, 358000 г. Элиста, Россия. ORCID ID: 0000-0002-1491-9961

E-mail: elbikova91@mail.ru

Для цитирования: Эльбикова Б.В. Изображение физической расправы героя с противником в калмыцких сказках «Седклин арвн хойр бөлг» («Запомнившиеся двенадцать глав») М. Буринова // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 3. С. 352–369. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-352-369

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

PHYSICAL DESTRUCTION OF THE ENEMY IN KALMYK FAIRY TALES “SEDKLIN ARVN BOLG” (*MEMORIZED TWELVE CHAPTERS*) BY M. BURINOV

© 2019. B.V. Elbikova

Kalmyk State University named

after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

Received: March 11, 2019

Date of publication: September 25, 2019

Acknowledgements: The article was written with support of the Russian Foundation for Basic Research, project no “18-512-94006 MOCSM_a”.

Abstract: The article discusses different modes of physical destruction of the enemy or malicious character as represented in Kalmyk fairy-tale folklore: chopping, burning, destroying the body, exterminating the soul, and sewing into the skin. While the mentioned modes are typically performed by the folklore hero on his enemy, the latter form of violence – sewing into the skin – equally refers to both the hero and his enemy. The study is based on the analysis of Kalmyk fairy tales “Sedklin arvn heir bulg” (*Memorized Twelve Chapters*) belonging to the repertoire of the storyteller M. Burinov. The article observes that the multiple process of destroying an adversary’s body (chopping, grinding, or burning) in Kalmyk fairy tale is associated with his physical “non-return” to society, and the destruction of the soul with the impossibility of its rebirth. By contrast, when the malicious character stitches the hero in the skin and throws him into the ocean, this symbolizes a transfer to the otherworld that does not exclude the hero’s future return in the new form. Stemming from comparative analysis of various descriptions of the physical violence performed on the enemy, the author identifies stylistic elements that characterize M. Burinov’s skills as a storyteller.

Keywords: storyteller, Kalmyk fairy tales, hero, opponent, physical violence, repository of the soul

Information about the author: Balzira V. Elbikova, researcher of the International Scientific Centre “Cultural Heritage of Mongolian Peoples,” Kalmyk State University, Pushkin St. 11, 358000 Elista, Russia. ORCID ID: 0000-0002-1491-9961

E-mail: elbikova91@mail.ru

For citation: Elbikova B.V. Physical Destruction of the Enemy in Kalmyk Fairy Tales “Sedklin Arvn Bolg” (*Memorized Twelve Chapters*) by M. Burinov. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 3, pp. 352–369. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-352-369

В калмыцком сказочном фольклоре часто встречаются описания различных видов физической расправы героя со своим противником. К их числу относятся сказки калмыцкого сказителя Муутла Буринова, записанные сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ Л. Сангаевым и Б. Букшаевым в 1958–1959 гг. в пос. Башанта Городовиковского района Калмыцкой АССР (ныне — Республика Калмыкия). Сказки, зафиксированные у М. Буринова под названием «Седклин арвн хойр бөлг» («Запомнившиеся двенадцать глав»), сейчас хранятся в Архиве КНЦ РАН, но в 1960 г. Калмыцким научно-исследовательским институтом языка и литературы (ныне — КНЦ РАН) они были опубликованы под другим названием «Седклин кыр» («Задумешный разговор»).

Цикл сказок «Седклин арвн хойр бөлг» («Запомнившиеся двенадцать глав») М. Буринова состоит из композиционной рамки в виде вступления, обрамляющего сюжеты одиннадцати сказок волшебного, богатырского и бытового содержания, в которых описание конфликта главного героя с противником занимает ключевое место. Развязкой противоречий и столкновений часто служит физическая расправа героя с его противником. В этой связи одной из содержательных доминант художественного мира сказителя М. Буринова является детализация описания расправы с отрицательным героем: расчленение, разрубание на мелкие кусочки, сжигание, рассеивание праха, что вполне соотносимо с основной идеей сказки — добро должно победить зло.

Противник (вредитель), с которым ассоциируются злодеяния, обман, предательство и другие негативные поступки, в сказке не только карается смертью, но подвергается истязанию, а тело после смерти уничтожает-

ся бесследно. В этом случае разрушение и уничтожение тела направлены на искоренение зла.

Согласно народным представлениям калмыков, вредители (демонические существа, злые духи и другие злобные силы) могут причинять вред людям, оказывать дурное воздействие на человека и после умерщвления, по этой причине они должны быть уничтожены бесследно. Эти древние верования нашли отражение в сказках цикла «Седклин арвн хойр бөлг» («Запомнившиеся двенадцать глав») [11] и в других произведениях сказочного фольклора калмыков, которые будут привлекаться в данном исследовании в качестве дополнительного материала: сказки, записанные в 1980 г. от сказителя Санджи Бутаева из пос. Шин Мер Кетченеровского района, объединенные названием «Седкүр Бурхни тууж» («История бурхана Седкюр») [10]; отдельные образцы из сборника «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») [12; 13].

Уничтожение противника в сказках М. Буринова представлено как результат противодействия положительного героя агрессивным намерениям врага. Например, в богатырской сказке «Дамбин Улан баатр болн Давшуурин хурдн хар» («Богатырь Дамбин Улан и его конь Давшуурин хурдн хар») угроза захвата и разорения родного кочевья побуждает богатыря Дамбина Улана выступить навстречу врагу, заверив свою решительность клятвой:

дээсиг өмнэснь тосж харнав [11, с. 42] / выступлю навстречу врагу; *дээлж авхар йовжс йовнав* [9, с. 45] / я иду, чтобы захватить противника; *талин ирх дээсиг өмнэснь эс сөрхлэ, күүнэ назрт ирсн церг омгта болдгинь* [11, с. 43] / если не уничтожить врага на его земле, то он станет уверенным на чужой.

Противник в разных обликах пытается помешать действиям положительного героя на всем его пути, в частности, в поисках его богатырского (волшебного) коня:

Зерглэд ирсн моһаг, төөрж тус, томһлж тус, — гижэ келн, толһа хориднь цокв. Хортин хо һалзн моһа сүүлэрн шавдн цокад, тоһшрад одв. Дамбин Улан тер моһаг дакн цокад, дорнь алад, түүмрдэд хайв [11, с. 40]. / Когда змей поравнялся с ним, он, приговаривая заклинание «попади, да

не промахнись», ударил его по голове. Ядовитая пестрая змея начала хлестать хвостом, свернувшись в клубок. Дамбин Улан **ударил змею еще раз, убил, сжег ее на месте, а пепел разбросал.**

Физическое уничтожение противника усугубляется препятствиями и трудностями разного рода: иметь дело с *шулмусами*, тело которых сделано из камня; с вредителями, которые до полудня играют и забавляются, после чего спят, спрятавшись среди тополей, а по вечерней прохладе выползают и едят людей. Богатырю Дамбин Улану удастся расправиться с ними только во время их сна, он использует свою богатырскую мощь и магическую силу заклинаний «попади, да не промахнись»:

Тигэд бээтлнь нарн үд шидр, хойр хортн толһа деерэн ирэд, наач-наач хэржэ ирэд, хойр уласан ораһад унтжэ одихав. Ардаснь ирэд, һурвдгч уласинь таслжэ авад: — Төөржэ тус, томһлжэ тус, — гижэ келн, хойр толһанинь дэврл-дүлн цокжэ алад, түүмрдэд хайчкад долан мус талнь ирв [II, с. 51–52]. / Тем временем двое *шулмусов* вернулись, наигравшись у курганов, уснули, опоясав два тополя. Настигший их Дамбин Улан вырвал третий тополь, приговаривая **заклинание «попади, да не промахнись», стукнул их по головам одновременно, убил, сжег, пепел разбросал** и отправился к семи мусам.

Богатырю приходится прибегнуть к хитрости: по совету матери Дамбин Улан сталкивает своих противников — семерых братьев-мусов друг с другом и так они убивают сами себя, после чего богатырь уничтожает их тела:

Дамбин Улан долан мусиг чавчжэ-чавчжэ түүмрдэд, үмсинь салькнд тарһад хайв [II, с. 52]. / Дамбин Улан **семерых мусов изрубил на куски, сжег на костре, а пепел развеял по ветру.**

Окончательное истребление противника удастся только после ликвидации его души, местонахождение которой узнать очень сложно:

Сохр баавиг өөрдэд ирсн цагт, тарг экнэсннь һарч йовсн утидинь харвад авад оркхла, Сохр баав эмэлэн хойр көлдэн хавчн, чолун күлг деерэсн унжэ ирв.

<...> Сохр баавин чолун кулгиг ардаснь көөжэ күцжэ авад, **хойр хортиг алсн һазрт авч ирэд, чавчжэ-чавчжэ түүмрдэд, үмсинь далад урсхжэ хайв** [II, с. 52]. / Приблизившись к Сохор-Баавину, Дамбин Улан схватил черные нити, свисающие из черепа муса, из-за чего Сохор-Баавин свалился с каменного коня с зажатым меж ног седлом. Дамбин Улан **погнался за каменным ко-нем, догнав его, привел на то место, где убил двух шулмусов, изрубил коня, сжег, пепел выбросил в океан, чтобы бесследно исчез.**

Сюжеты исследуемых сказок содержат эпизоды, уточняющие нахождение души вне тела, в самых необычных местах и предметах:

— **Мини эми һаза кевтси хар дөшиг бээнэ, — гижэ Һазрин Шарһ Курң келв. Эрин Сэн Сөнэкэ тер дөшинь хамхлад, түүмрдэд, үмсинь далад урсхжэ хайв** [II, с. 74]. / **Моя душа в дубовой наковальне, которая валяется во дворе, — отвечает Шарга Кюрюнг. Эрин Сян Сеняка разломал ту наковальню, сжег, пепел выбросил в океан, чтобы бесследно исчезла.**

Временным вместилищем преследуемой души в калмыцкой сказке также служат и представители животного мира:

— **Мини эми алтн нооста хар делтэ адунд, хо делтэ шарһ гүүнд бээнэ, — гижэ Һазрин Шар Курң келв. Эрин Сэн Сөнэкэ, тер адунднь ирэд, хо делтэ Шарһ түүг бэржэ авад, чавчжэ-чавчжэ түүмрдэд, үмсинь далад урсхад хайв** [II, с. 75]. / **«Моя душа находится в кобылице соловой масти со светлой гривой, что пасется в золотошерстном и черногривом табуне, признался Газрин Шарга Кюрюнг. Эрин Сян Сеняка отправился в тот табун, поймал коня, изрубив его, сжег, пепел выбросил в океан, чтобы бесследно исчез.**

Огонь является символом Солнца и обладает способностями как рождения, так и разрушения, сожжения и необратимого, безвозвратного уничтожения [7, с. 167]. Нельзя исключать, что истоки мотива истребления души через сожжение тела и костей в калмыцкой сказке связаны с древними добуддийскими погребальными обрядами. У монгольских народов существовала вера в наличие «души костей», которая постоянно находится в скелете человека до самой смерти и даже остается на могиле, чтобы охра-

нять его останки. Так, «халхасы полагали, что человеку и прочим живым существам присущи три “души”, которые имеют название *miqan-u sunesun* (букв. ‘душа плоти’), *yasun-u sunesun* (букв. ‘душа костей’) и *sulde*. Первая из них якобы пребывает в тканях человеческого организма вплоть до смерти и погибает только после полного разложения трупа; вторая находится в костяке до тех пор, пока у покойника не истлеет тазовая кость; а третья имеет своимместилищем все тело человека или животного и исчезает в момент его смерти» [15].

С этими представлениями было связано чрезвычайно уважительное отношение к костным останкам живых существ, которое было характерно для традиционной монгольской культуры.

Героя сказки «Уладан Мергн» цикла «Седклин арвн хойр бөлг» («Запомнившиеся двенадцать глав») вредитель **уй уйарнь чавчад** / разрубает по суставам и **харалжн хар тамин йоралд хайчкад** / сбрасывает в там (ад) [11, с. 84] с целью будущего его перерождения.

В частности, монголы старались не нарушать целостности костяков жертвенных животных, так как считали ее необходимой для того, чтобы обеспечить последующее возрождение животного [15, с. 81, 86–87]. Считалось, что воплощенная в костях жизненная сила правителя могла оказывать благодатное воздействие не только на него самого, но и на весь социум, причем как при жизни, так и после смерти [15, с. 81, 86–87].

В § 201 «Сокровенного сказания монголов» приводится предсмертная речь Джамухи, в которой тот, обращаясь к Чингисхану, говорит: *ukiĵu gebte'esu oluk yasun minu undur etugen-tur e'ure turuq uruq-un uruqaċinu gurtele iheĵu oksu* [8, с. 579] / ‘Когда [я] умру и буду лежать [мертвым], похорони мои мертвые кости на высоком месте, и [я] всегда, вплоть до потомков твоих потомков, буду оказывать покровительство [твоему роду]’ [8].

Напротив, разрушение или полное уничтожение костей (в особенности их сожжение) считалось наиболее эффективным способом ликвидировать опасного врага и лишить его жизненной энергии, которая могла бы привести к его возрождению. Неоднократные упоминания об этом встречаются в этнографических материалах, а также в монгольском эпосе и фольклоре [5].

У калмыков есть поверье о важности сохранения целостности тела для погребения. В этой связи пожилые калмыки сокрушались по случаю

ампутации и невозможности сохранить какую-то часть тела, оставленную на полях сражений или в больницах в советское время (из личного архива Е.Э. Хабуновой, 1954 г.р.).

В волшебной сказке «Аю Чикт и Авха Цецн» («Аю Чиктэ и Авха Цецен») герой, расправляясь со своим противником, предупреждает его, что действует по указанию или от имени своего отца или тестя:

Аю чикт оһтр хар үлдэн тач авад: «Хадм **аав таниг чавчжана**, — *гигж келн, чавчад, хоңшаринь тас цокад, му ду һарһад, шулм эмгиг киискэв. Күлгэн эргүлж ирэд, шулм эмгиг үүрмг-заармг кеһэд чавчад, түүмрдэд өмсинь салькнд тараһад хайв* [II, с. 57]. / Аю Чиктэ вытащил свой короткий черный меч и со словами: **«Тесть вас рубит»**, зарубил ее, ударив по медному клюву, старуха-ведьма, издав плохой звук, упала навзничь. Развернувшись на коне, **разрубил старуху-ведьму на мелкие кусочки, сжег, прах развеял по ветру.**

Аю чикт шуһуһасн һарч ирэ, аавинь толһа түс бээсн үлд авад: — *Аав чавчжана*, — *гигж келн, зес хоңшаринь тас цокад, үүрмг-заармг кеж, һал деер бээсн хээснд хуурж һарв. Хуурчаснь хээснэсн шулм эмгн йотун шовун болж хуврэд өркэрън нисэд һарч одв. Сала заагар тэвдг саадган авад: — Мини хадм эцг харвжжана*, — *гигж келн хав. Нисэд һарсн йотун шовун, саадгин сум-һла харһж унж ирв. Аю чикт тер шулм экэн чавчж-чавчж түүмрдэд, өмсинь салькнд тараж хайв* [II, с. 58]. / Аю Чиктэ вышел из укрытия, взял меч, висящий у изголовья отца и со словами: **«Отец вас рубит»**, зарубил ее, ударил по клюву и **разрубил мачеху на мелкие кусочки**, бросил эти кусочки в котел, стоящий на огне. Вдруг **из котла вырвалась куропатка, в которую превратилась старуха-шулма**, и вылетела наружу через окно. Взяв лук и со словами: **«Мой тесть охотится»**, **выстрелил. Стрела попала в куропатку, и она упала наземь. Аю Чиктэ разрубил ведьму на куски, сжег, а пепел развеял по ветру.**

В богатырской сказке «Дамбин Улан болн күлг Давшуурин Хурдн хар» («Дамбин Улан и Давшуурин Хурдун Хара») герой, расправившись с каменным конем, прибывает во дворец к отцу, видит, как ведьма пьет кровь отца, вонзив в его тело медный клюв. Дамбин Улан приступает к расправе над мачехой-ведьмой, получив разрешение отца:

— Аав, чавчхв? / Отец рубить?

Богатырь достает меч, **рубит на мелкие кусочки**: <...> *зес хоңшар-та, зерц шилвтэ эмгиг чавчж-чавчж түүмрдэд, үмсинь салькнд тараж хайв* [II, с. 52] / **куски изрубленной старухи-шулмуски с медным клювом и джейраньими ногами сжигает на костре, пепел пускает по ветру**.

Следует отметить особенность расправы в вышеприведенных фрагментах — герой спрашивает разрешения у отца убить мачеху. Данный мотив тесно связан с древнейшей обрядовой практикой — почитанием духов предков. Шулмуска, пьющая кровь отца, замещает мать героя, следовательно, «жену отца можно наказать с позволения отца, как бы его руками» [6, с. 80].

Участие других персонажей (помощников героя) в расправе с врагом передает сложность процесса его умерщвления, например в прологе «Илвин сурһуль» («Обучение волшебству») цикла «Седклин арвн хойр бөлг» («Запомнившиеся двенадцать глав») встречается такая схема:

Тиим болхла, ав гигэд, эркэ доран бумбан үлдәһэд эркән таслад хаяд оркна. Тарсн эркнь зарм болад һазр деегүр тарад одхла, долан һуужмулта доһлң шар така болад, тарсн зармиг түүһэд идэд һарв. Ламин эркэ дор бээсн бумбас көвүн һарч ирэд, күүнд хүвлэд, долан һуужмулта доһлң шар такаг алж түүмрдэд, үмсинь салькнд тараж хайв / Если так, бери, спрятав бум-шарик, разорвал лама четки. Разбросанные по земле **бусины четок превратились в просо, а мус — в хромую желтую курицу с семьёй цыплятами**. Спрятанный ламой в бум-шарик **юноша, приняв облик человека, убил хромую желтую курицу с семьёй цыплятами, сжег их останки, пепел развеял по ветру** [II, с. 9]¹.

К числу расправ, упоминаемых часто в сказках калмыков, относится наказание, которое отрицательный персонаж выбирает сам, не ведая истинного смысла вопроса, заданного ему. Вопрос в волшебной сказке «Улада Мергн» («Улада Мерген») звучит так:

¹ Редуцированная форма схожей формы избавления встречается в сказках С. Бутаева «Седкюр бурхни түүж» («История о бурхане Седкюр»), 2008.

Эгч, далн мөрнэ дел-сүл авнч, давтр улан киир авнч? — *гигж сурв* [II, с. 86]. / Сестра, что выбираешь: **гриву и хвост семидесяти лошадей или красный кованный кинжал?**

Та, ээж далн мөрнэ дел-сүл авнт, давтр улан киир авнт? — *гигж сурв* [II, с. 86]. / Матушка, вы предпочитаете **гриву и хвост семидесяти ко-ней или кованный красный кинжал?**

В ответах самих вредителей заложен способ умерщвления. Сестра заявляет:

Давтр улан киирэр ю кехв, далн мөрнэ дел-сүл авнав, — гигж дү күүкнь келв [II, с. 86]. / Зачем мне **кованный красный кинжал, я выбираю гриву и хвост семидесяти лошадей.**

На подобный вопрос мать отвечает следующим образом:

Далн мөрнэ дел-сүүлэр ю кехв, давтр улан киир авнав, — гигж келв [II, с. 86]. / Что мне делать **гривой и хвостом семидесяти лошадей?** Я предпочту **кованный красный кинжал.**

Брат расправляется с сестрой и матерью тем способом, который каждая избрала:

Уладан Мергн дү күүкдэн дөрвн мөчэснь далн мөрнэ сүүлд бооһад тэвчкв [II, с. 86]. / Уладан Мерген **привязал руки и ноги сестры к хвостам семидесяти лошадей и пустил их.** *Уладан Мергн давтр улан киирэр экиннь амар шааһад алчкна* [II, с. 86]. / Уладан Мерген **вонзил кованный красный кинжал в рот матери и убил ее.**

Аналогичное описание расправы с противником встречается и в калмыцкой сказке «Норвн күүктэ-эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха, у которых было три дочери»):

«Далн мөрнэ дел сүл кергтэй, эс гигж давтмр киир кергтэй?» — гинһэд, тавн зун шулман һарһаһад, алад, махинь-махн кевэрнь теер-

мдэд, ясинь-ясн кевэрнь теермдэд уга кечкв [13, с. 33–41]. / «Грива и хвост семидесяти лошадей или кованый кинжал?» — спросив, **выпустил пятьсот шулмусов, убил, мясо полностью смолотил, косточки-кости полностью перемолотил, ничего от них не осталось.**

Текстовая реализация изображения такого вида физической расправы отличается константностью и в других калмыцких сказках, к примеру, в сказке «Көвүн күүкн хойрта эмгн өвгн бээж» («Старик и старуха, у которых были сын и дочь») она выглядит так:

«далн арслгнн сүл кергтэй аль жирн уңгта гүүнтэ кергтэ» [13, с. 18] / **хвосты семидесяти львов нужны или хвосты шестидесяти кобылиц с жеребятами нужны?**

Одна из особенностей калмыцкой сказки проявляется в мотиве «поиска вместилища души», основанного на народных представлениях о бессмертии души, перемещающейся из одного сосуда в другой.

Сказка «Эрин Сэн Сөнэкэ» («Эрин Сян Сеняка») из рассматриваемого цикла содержит описание того, как герою удается выведать, где спрятана душа чудовища Шар Кюрюнга и уничтожить его:

— Мини амн богзатин бор толһа дотр бээсн долан бор богшурһад бээдмн... тер долан богшурһа бэрж авсн цагт, би долан хонгт шарлхв, — гижэ келв / Моя душа в семи воробьях, воробьи под серым курганом... Если воробьев поймают, я буду болеть семь дней [11, с. 75];

Доладгч нисжэ һарсн богшурһа амтин сүл жиг-жиг гигэд жиг-игэд альхн деернь иржэ суув. Тер богшурһар Эрин Сэн Сөнэкэ бэрж авад, барун һоснаннь өскэ дор дүрчкэд хэржэ ирнэ... Эрин Сэн Сөнэкэ барун һоснаннь өскэдэн бээсн богшурһаһан дарад билжлэд оркна. Һазрин Шар Күрң һурвн хол бооһад киисв. Эрин Сэн Сөнэкэ Һазрин Шар Күрңин ге-синь удрад, кесг идэд бээсн ээмг алвтннь эмтэн һарһжэ авб [11, с. 75–76]. / **Последним прилетел и сел на ладонь седьмой воробей. Того воробья Эрин-Сян Сеняка схватил и положил под пятку правого сапога и вернулся домой. <...> Вспомнил Эрин-Сян Сеняка о воробье, который лежал у него в сапоге, раздавил воробья. И тут же рухнул громадный**

мус-людоед. Вспорол богатырь огромный его живот, и оттуда вышло очень много людей.

Способы расправ, изображаемых в калмыцких сказках, находят текстовое воплощение в виде этнопоэтических констант (термин В.М. Гацака, используется в том его значении, в каком он представлен в теории этнопоэтических констант В.М. Гацака) [2; 3; 4].

В анализируемых нами сказках встречается константа «му үкл» (плохая смерть), когда тело побежденного богатыря разрезается на куски и разбрасывается на все четыре стороны света или расчлененное тело зашивается в шкуру животного и выбрасывается в море:

«Бор Улан *баатриг керчж, керчж, керэ шовудт өгнэв*» / Богатыря Бор Улана **разрублю на мелкие кусочки и кормлю воронам** [11, с. 42, 44, 47].

Эта же константа встречается в калмыцком героическом эпосе «Джангар», где выражение «му үкл» (плохая смерть, т. е. «позорная смерть», «мучительная смерть») противопоставляется достойной смерти (мгновенной), когда богатырь-победитель разрывает аорту поверженного богатыря-антагониста (эмн улан хол таслх — разорвать красную аорту, «жизненную основу»), закидывает на гору его тело или оставляет распятым на скале [9, с. 32–33]. Считалось, что это позволяет душе быстрее достичь верхнего мира и переродиться вновь там. И не случайно буддизм уделил внимание именно погребальному обряду среди обрядов жизненного цикла, так как для буддиста особенно важно состояние между перерождениями. Исследователь Э.П. Бакаева отмечает, что у ойратов и монголов, как и у многих других народов, в Средневековье бытовали погребения на особых помостах — арангасах [1, с. 103]. Выражение «яс өргх» сохранилось в калмыцком языке и по настоящее время, оно означает «поднять тело покойника на высокое место», иными словами, «погребсти достойно».

В сказках М. Буринова отмечена такая форма избавления от героя, когда его зашивают в шкуру животного и бросают в море-океан. Вариации этого мотива очень разнообразны, чаще всего «сосудом» для такой пере-

правы служит шкура быка, коровы, вола, что отражает скотоводческий быт и кочевое хозяйствование монгольских народов.

В богатырской сказке «Эрин Сэн Сөнэкэ» («Эрин Сян Сеняка») изображается такой вариант мотива расправы вредителя (ик хар күн):

Эрин Сэн Сөнэкэ ажрһ алад, бүтүһэр овчэд, тер ик хар күүг ажрһиннь арснд дүрэд; бух алад бүтүһэр овчэд, бууриннь арснд давхр дүрэд, таг кеһэд ширлжс бооһад, далад урсхжс хайв [11, с. 71]. / Эрин Сян Сеняка заколол жеребца, чулком содрал шкуру, в нее зашил большого черного человека, заколол быка и верблюда, содрав полностью шкуры, надел их одна за другой на него, крепко шкуры завязал, выбросил вместе с черным человеком в океан, чтобы он бесследно исчез.

Если расправа в виде расчленения, измельчения, сжигания и т. д. в рассматриваемых сказках используется применительно к отрицательным персонажам и предполагает бесследное истребление противника — олицетворение зла, то зашивание в шкуру допускается в отношении положительных героев, что можно интерпретировать как шанс для его воскрешения. Например, в волшебной сказке «Заяни залху көвүнэ тууль» («Сказка про ленивого юношу») из сборника калмыцких сказок «Хальмг туульс» [12, с. 182–184] героя, ханскую дочь и их ребенка зашивают в шкуру быка и бросают в море:

Эцгнь уурлад, хар цар алулад, бүтүһэр овчүлэд, арси дотрнь эврэннь күүкэн көвүтэһинь, заяни залхутэһинь дүрэд, тасриго тасмарин тач бооһад уяд, шоодад, һээлэд теңгс далад хайчкна [12, с. 183]. / Отец, рассердившись, заколол черного быка, содрал шкуру чулком, поместил в шкуру свою дочь, зятя-лентяя, их сына, завязал крепко-накрепко кожаным ремнем, зашил, браня и испытывая отвращение, выбросил их в море-океан.

В сказке «Һурвн күүктэ эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха, у которых было три дочери») расправа происходит между родными сестрами:

Бички көвүг этәһинь ярикд тәвәд, көк царин арсар бүрәд далад авч одад тәвчкв. Зурһан көвүг көк царин арсар бүрәд бас далад уршачкв [13, с. 37]. / Маленького сына с матерью **поместили в ларь, облили его воловьей шкурой и выбросили в океан. Шестерых мальчиков, также зашив в воловью шкуру, выбросили в океан, чтобы там исчезли (рас-творялись).**

Итак, в сказках М. Буринова цикла «Седклин арвн хойр бөлг» («За-помнившиеся двенадцать глав») мы обнаружили описание нескольких способов умерщвления и физической расправы над телом противника, они отображены в таблице:

I способ					II способ	III способ	IV способ
вид распра- вы	уби- вает, сжигает, раз- брасывает	уби в а - ет, сжи- гает	рубят, сжигает на костре, пепел раз- веивает по ветру	рубят, сжигает, пепел выбра- сывает в океан	быть разо- рванной на части от гривы и хвоста семи- десяти коней	быть убитой кованным красным кинжалом	зашивание в шкуру
частота употре- бления в сказочном сюжете	+	+	++ ++ ++	++ ++ ++ ++	+	+	+

Таким образом, в сказках «Седклин арвн хойр бөлг» («Запомнившиеся двенадцать глав») М. Буринова представлена однотипная форма физической расправы героя с противником (рубят, сжигает, пепел разбрасывает), но вербальное воплощение последовательности данного процесса отличается вариативностью:

- *моһаг дакн цокад, дорнь алад, түүмрдэд хайв* / **ударил змею еще раз, убил, сжег и выбросил;**
- *хойр толһаһинь дэврлдүлн цокжс алад, түүмрдэд хайчкад до-лан мус талнь ирв* / **стукнул их по головам одновременно, убил, сжег, выбросил** и отправился к семи мусам;

- *долан мусиг чавчж-чавчж түүмрдэд, үмсинь салькнд тараһад хайв* / семерых мусов изрубил на куски, сжег на костре, а пепел развеял по ветру;

- *хойр хортиг алсн һазрт авч ирэд, чавчж-чавчж түүмрдэд, үмсинь далад урсхж хайв* / погнался за каменным конем, догнав его, привел на то место, где убил двух шулмусов, изрубил коня, сжег, пепел выбросил в океан, чтобы бесследно исчез;

- *тер дөшинь хамхлад, түүмрдэд, үмсинь салькнд далад урсж хайв* / разломал ту наковальню, сжег, пепел выбросил в океан, чтобы бесследно исчезла;

- *хо делтэ Шарһ түүг бэрж авад, чавчж-чавчж түүмрдэд, үмсинь далад урсахад хайв* / поймал коня, изрубил его, сжег, пепел выбросил в океан, чтобы бесследно исчез;

- *махинь-махн кевэрнь теермдэд, ясинь-ясн кевэрнь теермдэд уга кечкв* / мясо полностью смолотил, косточки-кости полностью перемолотил, ничего от них не осталось;

- *тавн зун шулман һарһаһад, алад, махинь-махн кевэрнь теермдэд, ясинь-ясн кевэрнь теермдэд уга кечкв* / выпустил пятьсот шулмусов, убил, мясо полностью смолотил, косточки-кости полностью перемолотил, ничего от них не осталось;

- *Хадм аав таниг чавчжана* / Тесть вас рубит;

- *чавчад, хоңшаринь тас цокад, му ду һарһад, шулм эмгиг киискэв* / зарубил, ударив по медному клюву, издав истошный крик, старуха-ведьма повалилась наземь;

- *шулм эмгиг үүрмг-заармг кеһэд чавчад, түүмрдэд өмсинь салькнд тараһад хайв* / старуху-ведьму разрубил на мелкие кусочки, сжег, пепел по ветру развеял;

- *Аав чавчжана* / Отец рубит;

- *зес хоңшаринь тас цокад, үүрмг-заармг кеж, һал деер, бээсн хээснд хуурж һарв* / ударил по медному клюву, разрубил шулмуску на мелкие куски, бросил эти куски в котел, стоящий на огне

- *Хуурчаснь хээснэсн шулм эмгн йотун шовун болж хуврэд өркэрнь нисэд һарч одв* / Вдруг из котла вырвалась куропатка, в которую превратилась старуха-шулма, и вылетела наружу;

• *Мини хадм-эц харвжана. Нисэд харсн йотун шовун, саадгин сумнла харһж унж ирв* / Мой тесть охотится. Стрела попала в вылетевшую куропатку и она упала наземь;

• *Аю чикт тер шулм экэн чавчж-чавчж түүмрдэд, өмсинь салькнд тараж* / Аю-Чиктэ разрубил мачеху-шулмуску на куски, сжег, а пепел развеял по ветру;

• *зес хоңшарта, зерң шилвтэ эмгиг чавчж-чавчж түүмрдэд, үмсинь салькнд тараж хайв* / зарубил-изрубил старуху-шулмуску с медным клювом и джейраньими ногами, сжег останки, пепел пускает по ветру;

• *алж түүмрдэд, үмсинь салькнд тараж хайв* / убил хроную желтую курицу с семью цыплятами, сжег их останки, пепел развеял по ветру;

• *«Бор Улан баатриг керчж, керчж, керэ шовудт өгнэв»* / Богатыря Бор Улана порежу-порежу на мелкие кусочки и отдам на съедение воронам.

Текстологически направленный анализ этнопоэтических констант тематического ряда «физическая расправа с вредителем» позволил вскрыть специфику и меру их вербальной сохраняемости в количественном отношении: *түүмрдэд (сжег)* — 11; *үмсинь салькнд тараһад, далад урсхж хайв (пепел развеял по ветру, пепел растворил в воде)* — 8; *чавчж-чавчж (разрубил-разрубил)* — 5, *чавчад (разрубил)* — 2; *керчж, керчж (порезал, порезал)* — 1; *цокад (избил)* — 2.

Эти же лексические обозначения являются опорными словами, связывающими в пучок все выявленные формульные выражения, характерные для сказок «Седклин арвн хойр бөлг» («Запомнившиеся двенадцать сказок») М. Буринова. Частотность употребления опорного слова «*түүмрдэд*» (*сжег*) передает семантику этнопоэтической константы «физическая расправа с противником», обозначающей бесследное уничтожение противника и невозможность перерождения.

Список литературы

- 1 Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1994. 128 с.; ил.
- 2 Гацук В.М. Фольклор — память традиции (Уровни и формы этнопоэтической константности) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2000. № 8. С. 94–103.

- 3 Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени. Исторические исследования в поэтике. М.: Наука, 1989. 254 с.
- 4 Гацак В.М. Этнопоэтические константы в фольклоре: уровни, изоглассы, «мультимедийные формы» (на славянском и неславянском материале) // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Межд. съезд славистов (Люблина, август 2003 г.). Доклады российской делегации. М., 2003. С. 311–314.
- 5 Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков: Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. В.Г. Волчанинова, 1893. 111 с.
- 6 Кичиков А.Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Восточная лит., 1997. 320 с.
- 7 Санжеева Л.Ц. Культурные константы в бурятской Гэсэриаде: мифологические, религиозные и эпические параллели // Вестник Бурятского государственного университета. 2013, № 10. С. 167–170.
- 8 Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
- 9 Хабунова Е.Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2006. 255 с.
- 10 Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Элиста: КИГИ РАН, 2008. Кн. 1 / вступ. ст. Н.Г. Очировой; сост., подгот. текстов и прилож. Б.Х. Борлыковой. 307 с.
- 11 Седклин күр / Ясад, барт белдснь Букшан Б. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 96 х.
- 12 Хальмг туульс. I боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. 220 с.
- 13 Хальмг туульс. II боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1968. 267 с.
- 14 Roux J.-P. La mort chez les peuples altaïques anciens et medievales d'après les documents écrits. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1963. P. 35.
- 15 Sárközi A., Sazykin A. G. Calling the Soul of the Dead: Texts of Mongol Folk-Religion in the St. Petersburg Institute of Oriental Studies. Turnhout, 2004. Vol. 1 (Silk Road Studies; 9).

References

- 1 Bakaeva E.P. *Buddizm v Kalmykii. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Buddhism in Kalmykia. Historical and ethnographic essays]. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- 2 Gatsak V.M. Fol'klor — pamiat' traditsii (Urovni i formy etnopoeticheskoi konstantnosti) [Folklore — memory of tradition (levels and forms of ethno poetic constancy)]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2000, no 8, pp. 94–103. (In Russ.)

- 3 Gatsak V.M. *Ustnaia epicheskaia traditsiia vo vremeni. Istoricheskie issledovaniia v poetiki* [Oral epic tradition in time. Historical studies in poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 254 p. (In Russ.)
- 4 Gatsak V.M. *Etnopoeticheskie konstanty v fol'klоре: urovni, izoglassy, "mul'timedii nye formy" (na slavianskom i neslavianskom materiale)* [Literature, culture, and folklore of Slavic peoples. 13th International Congress of Slavists (Ljubljana, August 2003). Proceedings of the Russian delegation]. Moscow, 2003, pp. 311–314. (In Russ.)
- 5 Zhitetskii I.A. *Ocherki byta astrakhanskikh kalmykov: Etnograficheskie nabliudeniia 1884–1886 gg.* [Essays on the everyday life and customs of Astrakhan Kalmyks: Ethnographic observations, 1884–1886]. Moscow, Tipografiya V.G. Volchaninova Publ., 1893. 111 p. (In Russ.)
- 6 Sanzheeva L.Ts. Kul'turnye konstanty v buriatskoi Geseriade: mifologicheskie, religioznye i epicheskie paralleli [Cultural constants in the Buryat Hesariad: mythological, religious, and epic parallels]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no 10, pp. 167–170. (In Russ.)
- 7 Kichikov A.Sh. *Geroicheskii epos "Dzhangar". Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamiatnika* [Heroic epic *Jangar*. Comparative typological study of the work]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1997. 320 p. (In Russ.)
- 8 *Sokrovennoe skazanie mongolov. Mongolskaya khronika 1240 g.* [The Secret Legend of Mongols. Mongol chronical, 1240]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1941. 619 p. (In Russ.)
- 9 Khabunova E.E. *Geroicheskii epos "Dzhangar": poeticheskie konstanty bogatyrskogo zhiznennogo tsikla (sravnitel'noe izuchenie natsional'nykh versiĭ)* [Heroic epos *Djanganr*: poetic constants of the heroic life cycle (comparative study of national versions)]. Rostov-na-Donu, SKNC VSH Publ., 2006. 255 p. (In Russ.)
- 10 *Buutan Sanjcin tuul's* (Skazki Sandzhi Butaeva) [Buutan Sandzhin tuuls (Tales of Sandzhi Butaev)]. Elista, KIGI RAN Publ., 2008. Book 1, introd. by N.G. Ochirova; comp., text preparation and application by B.Kh. Borlykova. 307 p. (In Kalmyk)
- 11 *Sedklin kyr. Iasad, bart beldsn' Bukshan B.* [Sedklin Cur]. Elista, Khal'mg degtr harhach Publ., 1960. 96 p. (In Kalmyk)
- 12 *Khal'mg tuul's* [Halmg tuuls]. I bot'. Elista, Khal'mg degtr harhach Publ., 1961. 220 p. (In Kalmyk)
- 13 *Khal'mg tuul'c* [Halmg tuuls]. II bot'. Elista, Khal'mg degtr harhach Publ., 1968. 267 p. (In Kalmyk)
- 14 Roux J.-P. *La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux d'après les documents écrits*. Paris, Adrien-Maisonneuve Publ., 1963. P. 35. (In French)
- 15 Sárközi A., Sazykin A.G. *Calling the Soul of the Dead: Texts of Mongol Folk-Religion in the St. Petersburg Institute of Oriental Studies*. Turnhout Publ., 2004. Vol. I. VIII, 279, XIV p. (Silk Road Studies; 9). (In English)